

В.В. Лункевич

От Гераклида до Дарвина

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 57
ББК 28
В11

В11 **В.В. Лункевич**
От Гераклида до Дарвина: Том 2 / В.В. Лункевич – М.: Книга по Требованию,
2015. – 496 с.

ISBN 978-5-458-59222-2

ISBN 978-5-458-59222-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Глава VII. <i>Основоположники материализма XVII в.</i>	146
Философия и естествознание. Ренэ Декарт. Кое-что из биографии и о методе. Космогония Декарта. Животные и человек как «автоматы». Отношение к теологии. Материалистические и дуалистические элементы его философии. Основные черты мировоззрения Т. Гоббса.	
Глава VIII. <i>На рубеже</i>	166
Вдохновители материалистов XVIII в. Пьер Гассенди. Его общеполитические и биологические взгляды. Джон Локк и его «Опыт о человеческом разуме». Иатро-механики и их блестящий представитель Джованни Борелли. В чем ценность его труда «De motu animalium»? Один из эпигонов парацельсизма, — Ван-Гельмонт. Его философия живой природы. Ультравиталистические фантазии и бесспорные заслуги Ван-Гельмонта.	
Глава IX. <i>Иатро-химики и анатомо-физиологи XVII в.</i>	187
Гемопатология и иатро-химики. Сильвий де-ле-Боз — глава иатро-химиков. Работы Майова о горении, дыхании и движении. Томас Виллис и значение его анатомических работ. Плеяда талантливых анатомо-физиологов: Северино, Стено, Азелли, отец и сын Бартолины, Глиссон и др. Проблема размножения и работы Граафа. Учение о самопроизвольном зарождении и Ф. Реди.	
Глава X. <i>Лейбниц и витализм</i>	217
Проблема развития (онтогенеза). Овисты и анималькулисты. Реакция против механицизма. Лейбниц. «Предустановленная гармония». История мира и земли. Проблема жизни и ее происхождения. Животное и человек. Проблемы эволюционизма. Что дал науке и куда направил мысль биологов Лейбниц? Нарождение анимизма. Учение Сталля. Несколько слов о всей эпохе.	

Второй отдел

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Глава XI. <i>Что делалось во Франции?</i>	234
Борьба за королевскую власть и Ришелье. Людовик XIV. Писатели XVII в. Салоны XVIII в. Монтескье, Вольтер и Руссо как выразители идеологии различных слоев французской буржуазии. Бюффон — представитель эпохи просвещения. Его научная карьера. Основные биологические идеи его. Бюффон и Дарвин. Общая оценка его деятельности.	
Глава XII. <i>Энциклопедисты и Дидро</i>	265
Большая энциклопедия: ее вдохновители и сотрудники. Общая характеристика Дени Дидро. Проблема познания и самоподвижной материи. Борьба с «метафизико-богословской болтовней». Эволюция и ее факторы. Проблема целесообразности. Душа и тело. Дидро и материализм. Аббат Кондильяк. Alter ego Дидро — барон Гольбах.	
Глава XIII. <i>Натурфилософы-французы</i>	294

ДЕ-ЛАМЕТРИ — РОБИНЗ — БОННО

Общий характер философского творчества Де-Ламетри. Основы его материалистического мировоззрения. «Человек — машина» и «Человек — растение». Проблема души и тела в интерпретации Де-Ламетри. Учение Робинэ о природе. Агностические и материалистические элементы его мировоззрения. Гилозоизм Робинэ. Его биологические и психологические взгляды. Гражданин г. Женевы

Шарль Боннэ. Разнообразие интересовавших его тем. Значение его капитальных работ для биологии. Своеобразие некоторых его взглядов. Взлеты безудержной фантазии. Реализм и мистика в произведениях Боннэ. Итоги всей главы

Глава XIV. Ботаники разворачивают свою работу 329

Запросы жизни и запросы науки. Два направления в ботанике XVIII в. Систематика растений — взгляд назад. Карл Линней и общий характер его деятельности. Его «Systema naturae». Два других труда Линнея: «Fundamenta botanica» и «Philosophia botanica». В поисках естественной классификации: Бернар и Антуан Жюсье, Гертнер и Адансон. Развитие физиологии растений. Проблема питания. Опять Мариотт и Палисси. Стефан Гельс. Работы Ингенгуса и Сенебье. Проблема оплодотворения и гибридизация: Кельрейтер. «Тайна природы», разоблаченная Конрадом Шпренгелем.

Глава XV. Прогресс анатомии и физиологии 363

Два традиционных течения научной мысли. Энциклопедисты в области биологии: Бургав и Галлер. Братья Хентэр. Кампэр и Блуменбах. Первые наброски антропологии. Нечто о дилетантах и о Лионэ. Предтеча Кювье — Вик д'Азир и его научные достижения. Основатель научной сравнительной анатомии Жорж Кювье. Главнейшие законы морфологии животных в интерпретации Кювье. Некоторые черты его научно-философского credo . .

Глава XVI. Биология растет. 395

Новая полоса в учении о зародышном развитии. Г. Ф. Вольф и его «Teoria generationis». Другой основной труд Вольфа. Преформация или эпигенез? Заря биологической науки в России. Академик Паллас. Его научно-просветительная деятельность. Первоучители витализма. «Жизненная сила» и «животное электричество». Проблема жизни в толковании Биша. Сравнительная анатомия, эмбриология и учение о тканях в работах Биша.

Глава XVII. Достижения общей биологии и энтомологии 418

Классические мемуары Трамбле о гидре. Работы Спалланцани по регенерации. Проблемы пищеварения, оплодотворения и самозарождения в интерпретации этого ученого. Энтомология эпохи просвещения. Мечты Реомюра и его шеститомный труд, посвященный насекомым. Мемуары о гусеницах и бабочках, наездниках и муравьиных львах, пчелах и осках. Достоинства и недочеты классического труда Реомюра. Франсуа Гюбер и его исследования о пчелах. Несколько слов о Рёсселе фон-Розенгофе и Реймарусе. Любопытная книга Ледермюллера.

Глава XVIII. Идея эволюции 458

Взгляд назад: два ответа на происхождение форм живой природы. Первый абрис эволюционного учения: Де-Малье и его «Теллиамед». Происхождение жизни и преобразование организмов по Де-Малье. Кабанис и его эволюционные взгляды. «Biologie oder Philosophie der lebenden Natur» Готфрида Тревирануса. Эразм Дарвин и его труды: «Ботанический сад», «Зоономия», «Фитология» и «Храм природы». Изложение и анализ основных биологических взглядов Э. Дарвина. Его эволюционное учение. Итоги двухсотлетия биологических наук

Указатель использованной литературы 491

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

ЭПОХА ЯРКИХ СОБЫТИЙ И ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ

Глава I

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЭПОХИ

Англия XVI и XVII вв. Ее социальная структура. «Великий мятеж» и реставрация. Научно-философские устремления. Фрэнсис Бэкон. «Идолы» и методы научного познания. «Novum organum». Задачи Бэкона. Наука, философия, религия и жизнь. Телеология и антропоморфизм. Биологические взгляды Бэкона. Галилео Галилей. Его труды. Его метод и открытия. Бэкон и Галилей.

«Старая веселая Англия» жила действительно весело... Это было буйное, дикое веселье. Тон ему задавали Генрих VIII (1509—1547), двор и знать. Житейская практика средневековых феодалов все еще держалась прочно. Правда, война Белой и Алой роз выбила из строя многих старых баронов: ряды их сильно поредели. Но Генрих VIII создавал сотнями представителей новой знати. Введенная им церковная реформа: отказ от подчинения Риму, объявление короля главою новой, англиканской церкви и конфискация огромного движимого имущества и денежных фондов, накопленных католическою церковью и монастырями за долгие годы их господства, — все это благоприятствовало его смелому начинанию. Отощавшая королевская казна вновь обогатилась. А король и его присные не только воспрянули духом, но и щедро одаряли своих фаворитов и приверженцев: одних осыпали золотом, другим продавали за бесценок конфискованные имущества. Было, значит, кому веселиться. Шли пиршества и во дворце и в замках доживающей старой и нарождающейся новой знати. «Доброе бургундское вино» лилось рекою. Парки оглашались победными криками любителей охоты и свор гончих. Вульгарный флирт, переходящий в циничный разврат, царил в кругу весельчаков: соблазнительный пример подавал сам Генрих, сменивший шесть жен и отправивший на плаху двух из них. Попутно с женами был казнен и королевский канцлер, Томас Мор, автор «Утопии», отказавшийся присягнуть Генриху как главе церкви. Это наглядно говорило, во-первых, о том, какою ценой покупалось веселье «старой Англии», а, во-вторых, о зарождении чего-то нового в недрах придушенной жестокими расправами страны.

«Старая Англия» продолжала веселиться... Но тембр веселья становился несколько культурнее. С юга надвигалось Возрождение и неизменный спутник его, гуманизм. Среди новой знати

и обеспеченных кругов английского общества все яснее и яснее вырисовывался новый тип людей, заражавшихся интересом к античному миру, искусству Италии, к вопросам науки и философии и к действительному, а не традиционному отношению к жизни. «Это, — говорит один из историков описываемой здесь эпохи, Роллеси, — были наиболее яркие представители английского Возрождения по их избытку жизненных сил и жажде неизвестного, по гибкости души и безграничному мужеству». Максимально это настроение сказалось в годы молодости *Елизаветы* (1533—1603), а вершинным выражением его было творчество Шекспира — гуманнейшего из гуманистов, гениально постигавшего как свет, так и тени человеческого бытия и самого человека, гениально формулировавшего идеологию людей всех рангов своей эпохи, гениально отразившего в своих трагедиях и комедиях все лейтмотивы и перипетии присущих людям переживаний и нашедшего созвучный, гармоничный отзвук в мировоззрении и в сердцах приходивших за ним поколений.

Пришел конец и блестящей эпохе Елизаветы. Пронеслись, как сон, «славные дни Аранжуеца». Социальные противоречия нарастали, а с ними вместе росли у привилегированной верхушки и опасения за грядущее. Уже при Елизавете начался упадочный финал. Двор стал ареной жутких интриг. Реакционнейший фаворитизм все гуще и гуще проникал в быт и политику. От проблесков либерализма, которыми когда-то щеголяла Елизавета, не оставалось и следа. Горечью и гневом прозвучал один из лучших сонетов Шекспира:

Устал я видеть честь поверженной во прах,
Заслугу в рубище, свободу искаженной
И бедность с шутовской усмешкой на губах.
Глупцов, гордящихся лавровыми венками,
Опальных мудрецов, носящих скорбь в тиши, —
Высокий дар небес, осмеянный слепцами,
И силу, мертвую от немощной души,
Искусство, робкое пред деспотизмом власти,
Безумья жадного надменное чело,
Разнузданную ложь, разнузданные страсти
И благо пленником у властелина зла.

Царствованием Якова I и Карла I замыкалась цепь событий, приведших к катастрофе. А люди, которым она больше всего, казалось, угрожала, избрали максимой своего поведения обычный для всех уходящих с исторической арены лозунг: «Après nous le déluge». И старая Англия все еще веселилась...

Посмотрим на подоплеку и последствия этого веселья.

Уже ко второй половине XIV в. крепостное право в Англии *фактически* не существовало: «Преобладающее большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность». ¹ Лишь

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 784—785. Партиздат, 1937.

кое-где эта сеть маленьких крестьянских хозяйств прерывалась крупными помещичьими имениями, в которых рабочей силой были либо те же крестьяне, либо настоящие наемные рабочие. Земледелие являлось главной экономической базой страны, а в городах процветали ремесла.

Однако с последней трети XV в. в хозяйственной жизни Англии намечился перелом, который полностью вырисовался в XVI в. Начался систематический захват помещиками крестьянских земель. Крестьяне изгонялись из насиженных ими мест, а принадлежавшие им земли — и частновладельческие и коммунальные — переходили в руки помещиков и арендаторов экспроприированных участков. Посевные поля сводились к минимуму. Они превращались в луга и пастбища в целях, главным образом, овцеводства, дававшего большие барыши не столько самим экспроприаторам, сколько арендаторам бывших крестьянских владений. Фермеры — предприимчивые, ловкие, часто не чистые на руку — наживались, выделяя все чаще и чаще из своей среды богачей, будущих помещиков и «дворян» новой формации. Представители старого дворянства либо жили доходами от аренды, либо, руководимые жадной наживой, шли по стопам своих новых собратьев.

«Джентльмены стали торговать овцами, — говорит историк этой эпохи Гарриссон, — рыцари превратились в шахтеров; люди, пользовавшиеся большим уважением и обладавшие состоянием, делались скотоводами, мясниками или кожевниками». Деревня тем временем скудела. Крестьяне обезземеленные, лишенные пристанищ и средств существования, превращались волей-неволей в нищих бродяг и разбойников, шатавшихся иногда целыми толпами и жестоко преследуемых законами той эпохи. О них с волнением говорит в своей «Утопии» Томас Мор: «Тем или иным способом, не мытьем, так катаньем, они вынуждаются уйти — бедные, несчастные, бесхитростные создания!.. Прожив все до последнего гроша, они вынуждены были или просить милостыню или красть, чтобы потом быть повешенными по всем правилам закона, а между тем никто не хотел дать им работы, сколько бы они ни добивались ее».

Такая же картина развернулась на фоне конфискации церковных и монастырских поместий.

XVI в. приходил к концу. Различные отрасли примитивной индустрии — ткацкая, металлургическая, каменноугольная, судостроительная — имелись в зачатке уже в эту эпоху. Шла недурно и торговля. Однако к началу следующего столетия перед правительством Англии возникла новая серьезная задача, диктуемая жизненными потребностями страны: нужно было поднять земледелие, ущемленное скотоводством. Для этого имелись достаточные предпосылки: обилие ищущих приложения свободных рук. Нищенство и бродяжничество продолжалось на протяжении XVII в. Бедняков стали прикреплять к месту их рождения. Это обеспечивало сельскохозяйственную промышленность, сосредото-

ченную в руках крупных фермеров и новых помещиков, достаточным числом батраков. Это гарантировало и дальнейший рост индустрии с появлением городского пролетариата, пополнявшего свои ряды все из того же источника. «Старая веселая Англия» вступала в полосу *первоначального накопления*. Стал вырисовываться абрис будущей классической страны капитализма. «Расхищение церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных имуществ, грабеж общинных земель, совершенное с беспощадным терроризмом превращение феодальной собственности и собственности клана в современную частную собственность, — таковы, — по словам *Маркса*, — идилические методы первоначального накопления. Они завоевали поле для капиталистического земледелия, подчинили землю капиталу и создали для городской промышленности необходимый приток вольных, как птицы, пролетариев».

Экономике Англии описываемого нами периода отвечает в известной мере и ее социально-политическая структура.

Во главе крупного земледелия стоят потомки феодалов и новые помещики — *сквайры*. За ними следуют зажиточные *фермеры*; дальше идут сравнительно богатые крестьяне — *иомены*; еще дальше от верхушки — мелкие арендаторы из *бедного крестьянства* и, наконец, *батраки*. В городе, в качестве представителей промышленности и торговли, — та же верхушка: старое и новое *дворянство*, живущее то рентой, то непосредственным участием в промышленных либо финансовых предприятиях, и молодая буржуазия, крупная и мелкая, эксплуатирующая труд народившегося, но пока немногочисленного пролетариата.

Англия — издавна страна парламентарная. Такой была она и в XVII в. Ее две палаты — верхняя и нижняя (палата общин), состоявшая из депутатов, избираемых кучкою привилегированных представителей сельского дворянства и буржуазии, функционировали нерегулярно. Парламент созывался, когда дела короля и двора шли скверно. Но вот желанные налоги и законопроекты осуществлены — и послушный парламент распускается на неопределенный срок.

Еще хуже шли дела с исполнительной властью. Тут все держалось либо на купле-продаже, либо на самом беспардонном фаворитизме. Ответственные и «доходные» места продавались и раздавались по усмотрению короля и двора. Беззакония исполнительной власти достигли кульминационного пункта, когда Карл I, разогнав на целых 11 лет парламент, стал править при помощи основанной им «Звездной палаты», набранной из его приближенных и любимцев. Настали тяжелые дни. «Звездная палата» бесконтрольно вершила все дела страны. Светские и духовные власти точно старались перещеголять друг друга в беззаконии и жестокости. А «Звездная палата», в качестве верховного судилища, выискивала всюду недовольных, отдавала их под суд, как государственных преступников, и зверски карала. Людей — часто

абсолютно невинных — держали под арестом, томили в тюрьмах, привязывали к позорному столбу, засекали розгами, казнили передко буквально ни за что — за неосторожно сказанное слово, за неодобрительную статейку о каком-нибудь чиновнике, за самое малейшее ослушание начальству.

То там, то здесь уже прорывались нотки протеста. Недовольство росло. Негодовали иомены и трудовые массы. Возмущались сквайры и купцы, считавшие замолкнувший на долгие годы парламент цитаделью своих попранных прав. Роптали даже лорды. В перспективе уж маячили тени «Великого мятежа» — так англичане называли революцию 1641—1649 гг.

В социальном укладе Англии описываемого нами периода был еще один характерный момент, о котором необходимо упомянуть для понимания своеобразия тех лозунгов, под которыми разрывались события английской революции.

Мы уже говорили о церковной реформе; которая была произведена Генрихом VIII и завершилась при Елизавете. Это была реформа *сверху*, приведшая к отходу от католичества и созданию англиканской церкви, за которую стояла «старая Англия» — *феодалы и король*. Одновременно с нею шла реформа *снизу*, инспирируемая в широких массах проповедниками новой церкви, — свободной от государственного вмешательства в дела религии, самоуправляющейся, — церкви, во главе которой должны стоять не назначенные королем епископы, а «духовные пастыри», избранные самими прихожанами. Так, постепенно, начиная со времен Генриха VIII, стало развиваться в Англии *пуританское* движение. Очень характерно, однако, что движение это ко времени «Великого мятежа» разбилось на несколько течений, завербовавших представителей тех или иных социальных групп, смотря по их имущественному и правовому положению. На правом фланге этого движения стояли, по преимуществу, *сквайры, богатые фермеры, купечество* и отстаивавший их интересы *парламент*. Это были *пресвитериане*, защищавшие право мирян на свободный выбор духовных пастырей (пресвитеров), но в то же время требовавшие одной *обязательной* для всякого англичанина религии. Однако большая часть населения Англии сгруппировалась на левом фланге пуританства. Она исходила из предпосылки, гласившей, что вера есть дело совести каждого отдельного человека, и потому отвергала в вопросах религии какую бы то ни было власть над собой — как светскую, так и духовную. Сторонники этого течения называли себя *индепендентами* — независимыми. К ним примыкали *иомены, мелкие фермеры, многие ремесленники, а также городские и сельские рабочие*.

Все эти группировки показывают, что ко времени «Великого мятежа» вопросы религии тесно переплетались с экономическими и правовыми интересами той или иной группы. Религиозные догматы становились политическими лозунгами. Церковь, политика, классовые требования сливались воедино. Это ярко сказалось

в годы революции, когда индипенденты выделили из своей среды партию *левеллеров* (уравнителей), защитников радикальных реформ во имя благополучия трудящихся; связь религиозных догматов с насущными интересами угнетенных масс еще ярче была выражена у крайних левых из левеллеров («истинных левеллеров, как они называли себя), которые, по собственной инициативе, принимались толпами пахать нетронутую плугом землю, считая, что она — всенародное достояние. Это были «*копатели*». Несмотря на штрафы, тюрьмы, они глубоко верили в «святость» своего дела и продолжали запашку не принадлежавших им земель, распевая любимую песню:

«Близок тот час, когда тьма в умах рассеется и навеки водворится всеобщее благо. Малые и великие объединятся взаимною любовью. Славное время принесет нам несказанное благоденствие. Хлеб будет расти для нас, цветы будут нас приветствовать, а амбары наши будут полны».

«Птицы станут петь радостные песни. Каждое растение будет обильно приносить плоды, а мы с песнями возблагодарим царя нашего, бога, осыпающего нас своими дарами».

Но жизнь обманула их. Она осыпала своими дарами не тех, кто больше всех нуждался и мужественнее всех боролся за скромное место под солнцем. Последствия «Великого мятежа» доказали это как нельзя лучше.

Нет надобности останавливаться на отдельных перипетиях первой английской революции. Она разворачивалась по типу большинства буржуазных революций и началась рядом столкновений короля и знати с парламентом. Сперва противостояли друг другу два лагеря — «кавалеры» и «круглоголовые» — две Англии: Англия барская, отходящая на задний план истории, отсталая, и Англия «среднего состояния», недавно народившаяся, стремящаяся к самоопределению и просвещению, — Англия минувших дней, сцепившаяся не на жизнь, а на смерть с Англией дней грядущих.

Сперва шли бои между двумя армиями — королевской и парламентской. Парламентская победила. Казалось, война окончена. Но тут же начался раскол между парламентом и его армией. Подавляющее большинство парламента тогда составляли землевладельцы новой формации и промышленники — все они были почти сплошь пресвитериане; в армии же большинство составляли мелкие торговцы, иомены, ремесленники, городские рабочие и батраки — почти все индипенденты, требовавшие продолжения борьбы во имя утверждения прав широких масс населения: им не нужна была монархия, они мечтали о республике. И вожди армии, — а среди них уже выделялся Оливер Кромвель, — солидаризуясь с настроением ее, продолжали борьбу. 48-й год был на исходе. Король сидел в тюрьме. 29 января 1649 г. он предстал перед судом, объявившим его «изменником, убийцей, врагом государства». На следующий день его казнили. Англия была объявлена республикой.

Но борьба продолжалась. Армия индепендентов (народное войско) состояла из людей несходного имущественного положения и несходного образа мыслей. Произошел второй раскол — уже среди самих индепендентов. Образовались два враждующих лагеря: одни стояли за буржуазию, — ее сторонников солдаты народной армии иронически называли «джентльменами», «грандами»; другие, радикально настроенные, защищали интересы широких масс — это были *левеллеры, уравниатели*.

Они в своих социально-политических построениях исходили из принципов «естественных прав человека» и «договорного государства». Они хотели, чтобы вольности, завоеванные ими для новоявленного сельского «дворянства» и буржуазии, стали достоянием «всего народа»; они требовали уравнивания всех перед законом, избирательного права для ремесленников, мелких торговцев, рабочих и крестьян, полнейшей свободы вероисповедания, уничтожения многих налогов и пошлин, помощи от государства для безработных, стариков и инвалидов; они, наконец, выдвинули из своей среды целую фалангу «опасных людей», тех самых «копателей», которые громко распевали свою любимую песню о земле как даре божьем, принадлежащем всем, готовым обрабатывать ее.

Тогда новые хозяева английского государства — сквайры и буржуазия — сказали: «Этому не бывать!» Обычный заключительный аккорд всех буржуазных революций прозвучал властно. Его поддержали и утомившиеся от волнений неорганизованные и частью дезорганизованные массы, составлявшие главную силу народной армии: мелкая буржуазия, фермеры, иомены. Его поддержал и первый человек тогдашней Англии, Оливер Кромвель: сперва разогнал всем опостылевший «долгий парламент», а затем, разразившись в государственном совете по адресу левеллеров кратким, но зловещим окриком — «Я говорю вам: есть только одно средство справиться с этими людьми: растоптать их!» — раздавил и левеллеров. Последние страницы «Великого мятежа» история дописала с типичным для такого рода революций красноречием: сперва директория из 11 человек с Кромвелем во главе, затем диктаторство Кромвеля, длившееся пять лет, и, наконец, реставрация монархии. Не все ли равно было имущим классам Англии, кто правит ею: «Его величество» Кромвель или «блестящий весельчак, любитель развлечений, бабник и расточитель» Карл II Стюарт?.. Своего они частью добились. Продолжали добиваться и потом при Карле II и Якове II, во время новой, «Славной революции» (Glorious Revolution) 1688, 1689 гг. Их экономические и политические позиции крепили. Капитализм внедрялся все глубже и глубже. Свобода для буржуазии и сельского дворянства упрочивалась. Росла и их культурно-историческая роль. Они становились защитниками и водителями просвещения: искусство, литература, наука, философия интересовали их. Все, что в этой области пустило корни до «Великого мятежа» и выдержало испытание огнем революции, медленно, верно развивалось.

В самой религии стали брать верх рационалистические тенденции — деизм. Вольнодумство — предтеча вольтеррианства — заражало умы представителей нового общественного класса и проникало в круги «светского общества». Появились попытки естественного объяснения библейских чудес. Геолог *Бонет* выступил против легенды о «сотворении», доказывая, что она противоречит требованиям разума и не больше, как аллегория, рассчитанная на низкий уровень понимания народа. Раздалась захватывающая проповедь свободы личности, мысли и слова. Индепендент *Мильтон* — великий поэт-гражданин и автор трудов на общественно-политические темы, секретарь государственного совета по иностранным делам во время революции, едва избежавший казни в эпоху реставрации, называл цензуру инквизицией и с сарказмом спрашивал: знает ли история такой пример, когда книга стала лучше оттого, что на первой же странице красовалась пометка: *imprimatur* — разрешается печатать? Он уподобил «убийство хорошей книги» убийству человека, требовал неограниченной свободы печати и с веселым задором восклицал: «Пусть-ка сцепится истина с ложью — кто видел когда-нибудь, чтоб истина побеждалась ложью в открытом бою?.. Ей не нужны ни полиция, ни ухищрения, ни цензура — ей нужен один лишь простор!»..

Уже в начале XVII в. сказался поворот в умонастроении представителей научной и философской мысли в Англии. Он предвещал развитие ее новыми путями в соответствии с запросами выдвигаемого историей нового общественного класса. Он дал великолепную зарядку дальнейшему ходу науки в трудах *Бэкона* и *Гарвея*.

Френсис Бэкон (1561—1626) считается творцом индуктивного и экспериментального методов в науке. Это не совсем верно уже по одному тому, что много раньше его сперва *Рожер Бэкон*, а потом *Леонардо да-Винчи* вполне определенно говорили о значении опыта и наблюдения в развитии точного знания. Не нужно к тому же забывать, что *Галилей* сделал в этом отношении если не больше, то, во всяком случае, столько же, сколько и *Бэкон*.

Френсис Бэкон рано обнаружил склонность к писательству: в 16 лет он напечатал брошюру против схоластики. Но трудом, прославившим его, было сочинение «*Instauratio magna*» («Великое восстановление»), состоящее из двух частей: «*De dignitate et augmentis scientiarum*» («О величии и оживлении наук» [1606, по-латыни — в 1623]) и «*Novum organum, sive indicia vera de interpretatione naturae*» («Новый орган [он] наук, или правильные показания для истолкования природы»).¹ Помимо этих трудов следует указать еще два произведения *Бэкона*: «*Historia vitae et mortis*» («История жизни и смерти») — труд по преимуществу компиля-

¹ «*Novum organum*» остался незаконченным. В состав «*Instauratio magna*» должны были войти еще четыре части: «*Phaenomena universi*», «*Scala intellectus*», «*Prodromi*» и «*Philosophia secunda*». Все это — в черновых набросках.